

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2019, №4, Том 7 / 2019, No 4, Vol 7 <https://mir-nauki.com/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Невструева Т.Х., Кон Л.Л. Представления о материнстве девушек-социальных сирот в контексте проблемы психологической готовности к материнству // Мир науки. Педагогика и психология, 2019 №4, <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Nevstrueva T.H., Con L.L. (2019). Ideas about motherhood of girls – social orphans in the context of the problem of psychological readiness for motherhood. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 4(7). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN419.pdf> (in Russian)

УДК 159.9

Невструева Тамара Хасьямовна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия

Профессор

Доктор психологических наук, доцент

E-mail: tamaranevst@mail.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=177790

Кон Лариса Леонидовна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия

Студент, направление бакалавриата «Психолого-педагогическое образование»

ХКОО «Чужих детей не бывает», Хабаровск, Россия

Специалист по работе с семьей, руководитель проекта «Мама рядом»

E-mail: larisa.choy@gmail.com

Представления о материнстве девушек-социальных сирот в контексте проблемы психологической готовности к материнству

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы психологической готовности к материнству как важному прогностическому фактору осознанного родительства. Активизация исследований в этом направлении отражает актуализацию проблем психологического сопровождения девиантного материнства. В зоне риска наиболее часто оказываются девушки-социальные сироты, которые в силу объективных и субъективных причин реализуют модель «плохой матери». В исследованиях определена роль установочных факторов в реализации модели «хорошая/плохая» мать, к которым относят систему ценностей, мотивов, картину мира, Я-концепцию, образ будущего ребенка и др. Представления, как отражение имплицитной картины будущего материнства включены в нее как важный установочный фактор, определяющий когнитивные схемы, поведение, эмоциональные реакции в отношении уже родившегося ребенка. Было проведено эмпирическое исследование на базе детских домов г. Хабаровска (выборка 30 девушек 14–18 лет) и Хабаровской краевой общественной организации (ХКОО) «Чужих детей не бывает» (24 матери, в возрасте от 23 до 35 лет, находящиеся под комплексным патронажем). В качестве методов сбора информации были использован ассоциативный эксперимент (слова-стимулы «Родитель», «Мама», «Отец», «Ребенок», «Я-ребенок», «Мой ребенок», «Я-мама»), модифицированный авторами метод «Незаконченные предложения». Анализ полученных данных позволил выделить основные категории, отражающие особенности представлений о материнстве у девушек – социальных сирот. Исследование показало, что в обеих выборках представления о ребенке и о себе как о

матери идеализированы, доминируют позитивные эмоциональные характеристики (от 40 до 70 %). Сопровождение матерей – выпускниц детских домов вывило, что в реальном поведении у 95 % зафиксированы симптомы девиантного материнства (отказ от ребенка, изъятие из семей, пренебрежение нуждами ребенка и др.). В статье подчеркнута, что инфантильная, но позитивная структура представлений о материнстве у девушек-социальных сирот, и бессознательные установки на антисценарий в отношении собственных родителей, дают возможность в психолого-педагогической работе рассматривать эту идеализированную модель как основу для создания позитивной, но реальной картины будущего материнства.

Ключевые слова: материнство; психологическая готовность к материнству; девиантное материнство; девушки – социальные сироты; категориальная структура представлений о материнстве; позитивные представления; реальные отношения с ребенком

Введение

Актуальность проблемы связана с необходимостью качественного восполнения населения, рождения и развития физически и психически здоровых детей. Проблема «плохой матери», все более часто фиксируемая в современной России, имеет многочисленные объективные и субъективные факторы, большую распространенность среди семей групп риска, но не исключает и внешне благополучные семьи. Однако, выпускницы детских домов, социальные сироты (в силу многих зон риска) должны быть выделены в особые группы сопровождения материнства, в том числе психологического. В современных исследованиях используется понятие «девиантное материнство» (В.И. Брутман, М.И. Буянов, А.Я. Варга, А.И. Захаров, О.А. Копыл, О.В. Баженова, М.Г. Панкратова, М.С. Родионова и др.), выделены его характерные внешние симптомы. Это – «ранняя половая жизнь», «ранний опыт беременности и абортов», «распространенная практика отказа от ребенка в родильном доме», «лишение родительских прав по причине пренебрежения потребностями ребенка» (неглект в отношении детей (child neglect) рассматривается в зарубежных источниках как форма пассивного абьюза, т. е. скрытое насилие, включая психологическое), «физическое и другие виды открытого насилия над детьми», «скрытая или явная форма инфантицизма» (стремление к умерщвлению собственного ребенка). Эти внешние симптомы «плохой матери» (продуцируемые, в том числе, объективными условиями «плохой жизни»), имеют в своем развитии глубокие психологические основания, как общие для разных групп скрытого или открытого девиантного материнства, так и специфические для социальных сирот, связанных с особыми условиями их развития. В исследованиях определены комплексы этих психологических факторов, включая риски при вступлении в самостоятельную жизнь в социальной и профессиональной адаптации, нарушения в когнитивной и эмоциональной сферах, личностная незрелость. На наш взгляд, рассмотрение проблемы должно быть продолжено в контексте готовности к материнству, как базовой системы установочных факторов (ценностей, мотивов, образов, Я-концепций, картины мира и др.). Представления как имплицитные маркеры сознания включены в эту систему как важный установочный фактор, который может влиять на поведение, эмоциональные реакции в отношении уже родившегося ребенка.

Обзор исследований

Имея свою специфику девиантное материнство включено в общую проблематику материнства и различных направлений его изучения у нас в стране и за рубежом, и не может быть рассмотрено вне этого значительного сегодня пласта исследований (Л. Баз, Д. Лерман, В.И. Брутман, А.Я. Варга, Д.В. Винникот, А.И. Захаров, С.Ю. Мещерякова, С.А. Минюрова,

Р.Ж. Мухамедрахимов, Д. Пайнз, М.С. Радионова, И.Ю. Свяцкевич, Г.Г. Филиппова, Н. Тинберген, И.Ю. Хамитова и др.). Проблема материнства имеет устойчивый статус актуальности, при этом наряду с общими вневременными аспектами, изменения в социокультурной и экономической ситуациях ведут к расширению и углублению негативных процессов в принятии роли матери и осознанному выполнению материнских функций.

Анализ публикаций позволил выделить ряд проблемных направлений, сохраняющих свою актуальность, связанных общей темой семьи и родительства, и раскрывающих конкретные вопросы материнства девушек-социальных сирот:

- обсуждение вопросов изменения отношения к родительству (акцент на личностном развитии, карьере, самореализации, поздние браки, поздние дети, нежелание иметь детей, как помеха комфортной жизни и т. д.) и к ребенку (например, изменения в содержании родительского «послания» к ребенку, неявная цель воспитания) (Л. Руссель), в зависимости от моделей семьи, динамика которых глубоко проанализированы в современной фамилистике [1]. В этом контексте возникает вопрос о типе семей, создаваемых социальными сиротами, включены ли они в общий процесс изменений, или представляют эклектичный (часто негативный) вариант, в основе которого глубокий конфликт между желаемыми позитивными моделями семьи и реальной семейной ситуацией.

- подходы к самому понятию материнства как многоаспектному явлению, и выделения его психологического содержания. Важным параметром материнства является рассмотрение его как деятельности, что определяет важность его потребностно-мотивационной составляющей [2]. Авторы выделяют психофизиологические, инстинктивно-поведенческие, субъектные, мотивационные, эмоциональные, личностные, гендерные параметры материнства, особенности общения в системе «мать-дитя». Представляют интерес исследования, в которых различные аспекты психологической зрелости, готовности к семейной жизни связаны с базовыми личностными параметрами и структурами самосознания. Так, в исследовании Н.В. Нозиковой, психологическая зрелость мотивации семейной жизни отражает качества наиболее устойчивых динамических особенностей личности (интернальность, экстраверсия, стабильность нейротических реакций, уровень интеллекта), которые имеют разработанный диагностический инструментарий [3]. В исследовании Е.Н. Рыбаковой самосознание матери представлено тремя взаимозависимыми компонентами (самопостижение, самоотношение и самореализация), которые в отношении материнства имеют свое содержание [4]. Следует подчеркнуть, что у социальных сирот могут быть недостаточно зрелыми и положительными личностные образования для осознанного материнства, низкий уровень рефлексии в отношении ребенка и себя как матери. Причины этого связаны, прежде всего, с материнской депривацией, дефицитом в эмоциональной сфере, несформированной привязанностью в отсутствии «своего взрослого» как зоны безопасности для полноценного развития.

- создание типологий материнства представляется важным аспектом диагностического подхода к проблеме в определении возможных вариантов поведения матери с ребенком. В работе Е.Н. Рыбаковой основанием для типологизации материнства стал содержательный анализ комбинаций элементов в структуре самосознания. Выделены 7 типов матерей: доминирующие матери, отвергающие матери, гармоничные матери, непоследовательные матери, матери с конфликтной самооценкой, социально-неадаптированные матери, субъективно благополучные матери [4]. Преломление этой типологии в отношении матерей-социальных сирот может дать дополнительную информацию для выстраивания адекватной психолого-педагогической помощи этой группе.

Среди различных аспектов материнства значительный пласт исследований за последние 10–15 лет, посвящен психологической готовности к материнству, где проблема является объектом (или предметом) исследования или рассматривается через призму других тем

(О.В. Алифиренко (2009), О.С. Антонович (2009), Е.Х. Валеева (2006), Н.Н. Васягина (2011), В.В. Волкова (2005), И.А. Григорян (2013), Т.А. Гурьянова (2004), В.В. Иванкина (2006), А.А. Меньшикова (2011), Е.С. Миронова (2011), С.И. Миронова (2014), Н.В. Нозикова (2005), Ю.Е. Скоромная (2006), Н.А. Устинова (2009), Е.Ю. Шулакова (2002) и др.).

Анализ диссертационных исследований психологической готовности (ПГ) к материнству позволил выявить основные результаты, полученные авторами:

- обсуждение самого понятия «психологическая готовность к материнству» и его определение. В исследованиях ПГ к материнству рассматривается: (а) как интегральное динамическое психологическое образование, «отражающее состояние совмещенной психологической системы «мать-дитя» [5]; (б) «как исторически и онтогенетически сложившаяся функциональная система со своей структурой и логикой развития, существующая в потенциальной и актуальной форме и отражающая подготовленность психики женщины к материнству как деятельности»; (в) ПГ к материнству «обладает эволюционным, социальным и личностно-экзистенциальным смыслом»; (г) обеспечивает «в актуальной ситуации материнства условия развития ребенка и дальнейшего саморазвития женщины как личности [6]. В исследовании Т.А. Гурьяновой показано, что в структуру готовности к материнству входят параметры готовности к изменению образа жизни (такие как ригидность, локус контроля, рефлексивные возможности будущей матери) [5];

- определение структуры ПГ к материнству. В большинстве работ выделяют мотивационный, ценностный, когнитивный, эмоциональный, волевой, операциональный, поведенческий компоненты и их взаимосвязанные комбинации. Содержание этих компонентов различается в зависимости от целей исследования и набора методик;

- исследование взаимосвязи социально-психологических типов личности (гармоничный, сензитивный, интровертированный, тревожный, инфантильный, комфортный) с уровневыми параметрами ПГ к материнству [7] и желаемыми мотивами материнства [8];

- определение этапов формирования ПГ готовности к материнству (антиципация материнства, беременность, послеродовой период, активное материнство) и доминирующих аспектов каждого этапа (оценочного, регуляционного, операционного, эмоционального) Так, доминирование операционного аспекта после родов проявляется в особенностях материнской компетентности; регуляционный – в особенностях самоорганизации женщиной новых условий бытия, эмоциональный – в удовлетворенности ролью «Я-мать» при ее доминировании в образе «Я» женщины, реалистичность которой обуславливается смещением ценностно-смысловых составляющих образа мира [5].

- выделение типов психологической готовности к материнству. В исследовании Е.Ю. Скоромной определено восемь типов готовности/неготовности к материнству, характеризующихся спецификой сочетания полоролевой идентичности, уровня самоактуализации и личностной суверенности, предпочитаемых способов психологического преодоления и связанные с этапами [6]. В.В. Иванкина, в ПГ к материнству выделяет три типа (адекватный, амбивалентный и тип риска), имеющими специфические характеристики, свойственные юношескому возрастному периоду [9].

Следует отметить, что проблема ПГ к материнству активно изучалась на выборках юношеского возраста (старшеклассников, студентов), беременных женщин, женщин групп риска в протекании беременности, беременных с онкологическими заболеваниями и др. Проблемы психологической готовности к материнству девушек – социальных сирот включены в той или иной мере в различные исследования, в анализ практической деятельности социальных служб, общественных, волонтерских организаций, непосредственно работающих с социальными сиротами. Специальное исследование «Специфика психологической готовности

к материнству девушек-сирот» (2014) проведено С.И. Мироновой, представлен сравнительный анализ ПГ к материнству девушек из интернатов г. Москвы, г. Магадана и девушек из семей. Автор делает выводы, что материнство как ценность занимает одинаково низкое место в иерархии ценностей у девушек-сирот и девушек из семей. Однако, представления о матери и о себе как матери девушек – воспитанниц интернатных учреждений идеализированы, стереотипны (при этом они убеждены в своей готовности стать матерью), представления о структуре семьи (родительской и своей будущей) искажены, они чаще, чем девушки из семей, демонстрируют реакции тревоги и агрессии. В диссертации подчеркнута различие компонентов психологической готовности к материнству девушек-воспитанниц интернатных учреждений и девушек, воспитывающихся в семьях. В частности, ценностно-смысловой блок характеризуется у девушек-сирот низкой жизнестойкостью, личностной инфантильностью и ценностными ориентациями, направленными на принцип удовольствия. В исследовании показана прямая взаимосвязь негативных психологических проявлений и длительности пребывания в интернатном учреждении. В зависимости от опыта пребывания в интернатном учреждении у девушек-сирот проявляются более жестко фиксированные личностные защиты и большая идеализация будущей семьи и своего образа в ней [10].

Важно подчеркнуть, исследование С.И. Мироновой показало, что развитие операционного блока материнской сферы девушек-сирот (обучение выполнению конкретных действий матери по уходу за ребенком) не формирует их психологическую готовность к материнству, а создает идеализированное представление об их «псевдоготовности» стать матерью [10]. Это несоответствие операционного аспекта готовности к материнству и личностной незрелости, фиксируют и специалисты, работающие с матерями, выпускницами детских домов.

В исследовании Н.В. Нозиковой, у девушек, воспитанных в детском доме также выявлена компенсаторная идеализация представлений о своей будущей семье и материнстве. Отличия в структуре мотивации к материнству воспитанниц детских домов определяются особым психологическим складом личности девушек, отсутствием опыта адекватного родительского отношения и присутствием в психике следов перенесенных психотравм [3].

Следует отметить, что проблема психологической готовности к материнству получила в отечественных психологических исследованиях многоаспектный эмпирический анализ. К достаточно обобщенной характеристике готовности к материнству отнесено психологически зрелое отношение к появлению ребенка. Степень этой зрелости, ее структура рассмотрены в разных аспектах и во взаимосвязи с различными психологическими факторами, постепенно создается эмпирически обоснованный психологический портрет матери готовой к материнству. Личностная зрелость, как важная составляющая этого портрета, может выступать в качестве диагностического маркера возможного позитивного сценария будущего материнства у девушек-социальных сирот.

Психологическая готовность – это система установочных факторов, которые включают различные биологические, социальные, психологические, социально-психологические, личностные образования. При сохранении значимости (сегодня уже относительной) биологического фактора «материнский инстинкт», в системе установок (под влиянием экономических и социокультурных изменений) происходят определенные «сдвиги» в отношении семьи, родительства. Системы ценностей, мотивов, когнитивных схем, стереотипов, картины мира, ролевых ожиданий, Я-образы, образы мира, семьи, матери, отца, ребенка глубоко интериоризированы, и включаются в «готовность/неготовность к материнству», в ее осознанной (ответственной) или в неосознанной (без «ответственности») форме.

В той или иной мере эти системы находят отражение в представлениях о родительстве. В этом контексте представляют интерес исследования, позволяющие определить имплицитную структуру (скрытое, неявное, подразумеваемое, невыраженное) содержания представлений о будущем материнстве. Эти представления можно рассматривать как важный установочный фактор, который в той или иной степени может определять поведение, эмоциональные реакции в отношении уже родившегося ребенка. Сегодня эта проблема также входит в круг исследовательских интересов (Ю.С. Газизова, Т.В. Павлова, Е.В. Пономарева). Так в работе Т.В. Павловой (Психологические детерминанты формирования представлений личности о родительстве. 2012) выделен интегративный критерий – осознанность представлений о родительстве, на основании которого определены типы формирования этих (от инфантильного типа родительства через переходное родительство к зрелому типу представлений о родительстве) [11].

Нами было проведено небольшое эмпирическое исследование (носящее, скорее, пилотажный характер), с использованием метода «свободный ассоциативный эксперимент» (САЭ), и модифицированного нами метода «Незаконченные предложения». Эти методы активно используются не только в психолингвистике, но и в исследованиях различных личностных феноменов, находящих отражение в семантике сознания (см., например: [12]). В этих методах, как разновидности проективных методов действует механизм опосредованности, направленность на чувственный субъективный опыт и интимность ассоциаций. Следует подчеркнуть активное использование при изучении материнства вербальных и рисуночных проективных методик (например, рисуночный тест «Мой будущий ребенок» (Г.Г. Филипповой), проективные методики «Символы материнства» и «Образ матери» и др.

Базами проведения исследования стали КГБУ Детский дом 5, КГКУ Детский Дом 6, Хабаровская краевая общественная организация (ХКОО) «Чужих детей не бывает».

Выборка: 30 девушек, в возрасте от 14–18 лет проживающих в институциональном учреждении, 24 матери, бывшие социальные сироты (23–35 лет), включенные в систему комплексного (юридического, социального, психологического и педагогического) сопровождения.

В качестве проективного стимула в ассоциативном эксперименте выступало 5 слов – «родитель», «мама», «отец», «ребенок», «мой ребенок», «Я-ребенок», «Я-мама». Данные свободного ассоциативного эксперимента были обработаны методом контент-анализа. Анализ полученных данных позволил определить содержание категориального пространства, отражающего особенности имплицитной структуры представлений о материнстве у девушек социальных сирот. В таблице 1 приведено процентное соотношение ассоциаций по каждой категории на слова «родитель», «мама», «отец».

Таблица 1

**Процентное соотношение ассоциаций
по каждой категории на слова «родитель», «мама», «отец»**

Категория	Ассоциации	Процент
Родитель		
1. Позитивные эмоциональные характеристики	Любовь, ласка, родной человек, дружба, счастье, забота, гармония, любящие детей	43,8
2. Безопасность	Ответственность, забота, строгость, понимание, переживание, образованный	21,9
3. Негативный опыт	Упрямство, конфликты, тучи, «дети, которых не любят, становятся взрослыми, которые не могут любить»	15,6
4. Понятия	Мама, папа, семья, ребенок	15,6
5. Материальные блага	Машина	3,1

Категория	Ассоциации	Процент
Мама		
1. Позитивные эмоциональные характеристики	Любовь, счастье, самая лучшая, добрая, ласковая, любимая, самый родной человек	57,1
3. Безопасность	Переживание, поддержит в любой момент, поймет, защитит, забота, ответственность	33,3
3. Обязанности	Мама – это золушка, уход за ребенком	4,8
4. Безграничность	Мама – это все	4,8
Отец		
1. Безопасность	Защита, воспитание, сила, могучее дерево, забота, переживание	47,1
2. Материальные блага	Заработок, кормилец в семье, добытчик, деньги	23,5
3. Позитивные эмоциональные характеристики	Любящий свою семью	11,8
4. Мужественность	Готов пойти на любые жертвы	5,9
5. Хобби	Рыбалка	5,9
6. Семейная роль	Муж	5,9

Анализ ассоциативного эксперимента на стимулы, связанные с образом родителя, матери и отца показал, что наибольшее количество ассоциаций выделено в категории, которые мы определили, как «Позитивные эмоциональные характеристики» и «Безопасность». Ассоциации, включенные в эти категории, отражают скорее, не личный опыт жизни в семье, а «компенсаторную идеализацию» (Н.В. Нозикова), в определенной мере антисценарий модели родительской семьи. Категория «Негативный опыт» (15,6 %) отражает скорее реальные эмоциональные образы «кровной семьи».

В таблице 2 представлен категориальный анализ ассоциаций на слова стимулы «ребенок», «Я-ребенок», «мой ребенок», «Я-мама».

Таблица 2

Категориальный анализ ассоциаций на слова стимулы «ребенок», «Я-ребенок», «мой ребенок», «Я-мама»

Категория	Ассоциации	Процент
Ребенок		
1. Позитивные эмоциональные характеристик	Счастье, веселье, смех, любовь, маленький комочек счастья, вечно радостный, ангелочек, цветочек, добрый	45,8
2. Негативные характеристики	Плач, капризный, плакса, проблемы	16,7
3. Ожидания, стереотипы	Чистый, воспитанный, умный, пушистый	16,7
4. Действия ребенка	Любопытный, бегающий, игры	12,5
5. Предметы обихода и быта	Памперсы, пеленки	8,3
Я ребенок		
1. Негативные характеристики	Грустный, злой, психованный, сложный	26,7
2. Уверенность в своих силах	Самостоятельность, уверенность, Я-ребенок, который очень рано вырос	20,0
3. Позитивные эмоциональные характеристики	Веселый, любовь, добрая, душевная	20,0
4. Игрушки	Велосипед, кукла	13,3
5. Время	Детство	6,7
Мой ребенок		
1. Позитивные эмоциональные характеристики	Ангелочек, самый лучший, пушистый заяц, веселый, добрый	70,0
2. Вера в лучшее	Будет хорошим человеком, здоровый	20,0
3. Затрудняюсь ответить		10,0
Я мама		
1. Идеализация образа	Я мама, которая будет очень любить своего ребенка, самая лучшая	25,0
2. Осознание ответственности	Мама осьминог, которая имеет много рук, заботливая	25,0
3. Дисциплина	Строгость, закон, воспитание, контроль	25,0

Категория	Ассоциации	Процент
4. Положительные образы	Солнышко	12,5
5. Ожидание материнства	Будущая мама	12,5

Анализ ассоциативного эксперимента на стимулы, связанные с образами «ребенка» и образом «Я-мама» показал, что наибольшее количество ассоциаций также представлено в категории «Позитивные эмоциональные характеристики» («ребенок» – 45,8 %; «мой ребенок» – 70 %). Все ассоциации на слово «Я-мама» носят позитивную направленность, объединены в категории «Идеализация образа» (25 %), «Осознание ответственности» (25 %), «Дисциплина» (25 %). В категории «Негативные характеристик» («ребенок» – 16,7 %, «Я-ребенок» – 26,7 %) ассоциации отражают более реальный опыт не вытесненных переживаний, и возможно, внешних оценок, интериоризация которых отражена в образе ребенка.

Данные, полученные по методике «Незаконченные предложения», позволили выявить более детальную категориальную структуру представлений о материнстве. На примере некоторых незавершенных предложений (всего их было 20), рассмотрим распределение категорий в целом по выборке:

1. «Когда я была ребенком...» – категории: «Позитивные воспоминания о детских играх» – 33,3 % (любила футбол, играть в дочки-матери, любила ходить гулять, играть с друзьями, много времени проводила на улице, любила лазить по стройкам); «Действия помощи другим» – 13 % (собирала котят, помогала друзьям знакомым); «Детство в кровной семье» – 26 % (помогала маме); «Детский дом» (7 %): (я 11 лет прожила в детском доме).

2. «Самое сильное впечатление детства, когда...» – категории: «Страх и боль, болезни» – 72 % (я запустила воздушного впервые змея и сильно разбила колени, я упала с качели, лежала в больнице, тонула); «Школа» – 16 % (я пошла в школу); «Позитивные воспоминания о семье» – 30 % (мы родителями ходили в зоопарк, ходили в кино, ездили на море).

3. «Когда я стану мамой...» – категории: «Позитивные ожидания роли матери» – 28 % (я буду самой доброй, счастливой, самой любящей, буду любить своего ребенка); «Позитивные ожидания развития ребенка» – 24 % (я буду заботливой, делать так, чтобы он ни в чем не нуждался, чтобы мой ребенок рос и развивался); «Позитивные желания другого детства» – 19 % (я дам своему ребенку, то что сама не получила в детстве, буду принимать участие в жизни ребенка).

4. «Я хотела бы, чтобы мой ребенок...» – категории: «Нравственность» – 21,2 % (был честным, справедливым); «Профессия» – 15,8 % (был спортсменом, работал в милиции); «Счастье» – 15,8 % (был счастливым); «Здоровье» – 45 % (не болел, был за здоровый образ жизни); «Послушание» – 10,5 % (был послушным, спокойным); «Душевные качества» – 15 % (был добрым и нежным); «Материальное обеспечение» – 10,5 % (ни в чем не нуждался); «Образование» – 5,3 % (чтобы учился).

5. «Когда я вижу детей с родителями...» – категории: «Позитивные эмоции» – 45 % (у меня появляется улыбка, умиляюсь, думаю, что это счастливая семья); «Зависть» – 30 % (я очень им завидую, каждый раз возникает вопросы, почему дети растут без родителей); «Равнодушие» – 9,1 % (меня это не интересует, отношусь равнодушно); «Раздражение» – 5 % (которые орут или бьют без причин окружающих).

6. «Я буду готова к материнству, когда...» – категории: «Личностный рост» – 33 % (встану на ноги, поумнею, буду работать); «Возраст» – 23 % (когда мне будет 23 года, когда мне будет 20, стану взрослой, мне будет 24 года); «Финансовая стабильность» 14,3 % (буду постоянно обеспеченная, смогу обеспечить будущее ребенка); – отца – 7,1 % (буду уверена в будущем отце).

7. «Я представляю свою будущую семью...» – категории: «Позитивные ожидания» – 78,3 % (сплоченной, крепкой, дружелюбной, хорошей, доверяющей, взаимопонимание, любимой, дружной, счастливой, жизнерадостной, уютной, полноценной, большой); «Возраст» 13 % (не раньше 25–27 лет).

Анализ данных метода «Незаконченные предложения» показывает доминирование позитивных образов, характерных для осознанного материнства, желания реализовать другой сценарий семьи, отличный от отношений в кровной семье. Стереотипизация представлений отражает включение девушек в социокультурный контекст «правильного» материнства. Учитывая «будущность» этого материнства, готовность к нему не рефлексирована, а представляет эмоционально окрашенную, желаемую мечту. Как отмечено в исследовании Т.В. Павловой, «для инфантильного типа представлений о родительстве характерен идеализированный образ ребенка, родителя и родительской роли, пренебрежение реальными свойствами характера ребенка, и фиксация на желаемых особенностях [10].

Сопровождение матерей, выпускниц детских домов, осуществляемого Хабаровской общественной организацией «Чужих детей не бывает» позволило выявить реальную картину неготовности к осознанному, зрелому материнству. Среди этих матерей – многодетные мамы, мамы одиночки, большинство имеют разных отцов своих детей. Стремление иметь семью и детей негативно сочетается с низкой родительской компетенцией и множеством проблем взаимодействия в системе «мать-дитя».

Статистический анализ типичных моделей поведения этих матерей показал наличие всех симптомов девиантного материнства:

- 12,5 % матерей, на момент обращения имели на руках новорожденных или малолетних детей, однако у них были и ранее родившиеся дети, изъятые государственными службами в связи с пренебрежением нуждами ребёнка и оставлением детей в опасной для жизни ситуации;

- 41,67 % матерей, отказалась от сопровождения в связи с тем, что специалисты провели с ними работу по профилактике отказа от новорожденного. Они не в первый раз писали «отказную», ранее родившиеся дети находились в семьях или в детских домах;

- 25 % матерей имело зависимость (наркотическую или алкогольную, либо психологическую зависимость от мужчин, при которой даже проституция воспринималась, как норма принятия их женственности или норма отношений между мужчинами и женщинами), часто дети в этих семьях оставались с родителями. Родители балансировали на грани изъятия детей, то исполняя требования закона и удерживаясь от пагубных привычек, то снова срываясь, отправлялись на лечение и реабилитацию. Часто родители имели опыт нарушения закона и отбывания наказания в местах лишения свободы;

- 41,67 % – благополучное материнство у выпускниц детских домов могло граничить с крайней бедностью и тогда, подобная семья тоже оказывалась в поле зрения службы сопровождения.

В процессе работы с семьями, было установлено:

- более 80 % женщин имеют низкую степень привязанности к детям, у 20 % ребенок является средством получения дохода, когда рождение последующего ребенка давало еще несколько дополнительных лет для того, чтобы не выходить на работу или не занимать социально активной позиции;

- 90 % женщин вела асоциальный образ жизни. 25 % были выпускницами коррекционных интернатов, двое имели психиатрические диагнозы, и имели пожизненную

инвалидность по психиатрии. Уровень родительской компетенции крайне низкий, как и уровень необходимых навыков для собственного обеспечения, для восполнения необходимых для здоровой жизни потребностей. Даже в семьях, где дети были желанны и долгожданны, уровень безопасности жизни ребенка был невысоким.

Почти 95 % женщины при столкновении с кризисом неосознанно стремились обезопасить в первую очередь себя. Например, мать в ситуации, когда сожитель угрожал ей расправой могла оставить годовалого ребенка в компании пьяных мужчин и уехать в другой город на несколько недель. Или женщина, столкнувшись с потерей жилья, в первую очередь рассматривала возможность избавиться от ребенка, чтобы облегчить свое существование. К сожалению, такое поведение можно было наблюдать и у девочек, имевших опыт проживания в семьях, чаще это были асоциальные семьи.

С этой группой также был проведен свободный ассоциативный эксперимент и метод «Незаконченные предложения».

Как и у девушек из детских домов, ассоциации матерей, бывших социальных сирот отражают диссонанс между реальным материнством и желаемыми образами ребенка и матери, отсутствие рефлексии в отношении себя как матери. Приведем примеры ассоциаций:

«Родитель» (испытуемые дали ассоциации о себе) – ответственность, зрелость, справедливый, любящий, честный; «Мама» – безнадёжность, самая теплая, нужная, любимая, родная, добрая, вкусно, уютно, ласковая; «Отец» – зрелость, защита, защитник, опора, пример, сильный, смелый, строгий, добрый, колючий, всегда вместе;

«Ребенок» – радость, нежность, жизнь, маленький, родной, любимый, мой, тёплый, светлый, искренний, улыбающийся, солнечный, ангелочек, нуждающийся в любви, беззащитный, смех, веселье, забота, любовь; «Я-ребенок» – страх, неизвестность, бессилие, верный, благодарный, преданный, страшно, одиноко, мама, папа, веселье, беззаботно;

«Я-мама» – гордость, радость, ответственность, справедливая, строгая в меру, любящая, лучшая для своего ребенка, теплая родная, заботливая, переживающая, искренняя, нужная, строгая, работающая, не хватает времени, мои дети – моя жизнь, уютно, вкусно;

«Мой ребенок» – воздух, солнце, счастье, вера в себя, нежный, родной, теплый, мой, маленький котёнок, моя жизнь, подарок, гордость, любимый, самый, самый нужный мне человек, счастье, учит быть мудрой, даёт силы и стимул быть лучше, моя душа, улыбки, настроение, самая большая любовь, самый лучший, добрый, ласковый, беззащитный, верящий, ждущий, веселый, капризный, разбалованный.

Ассоциативный ряд у матерей, выпускниц детских домов позитивный, глубоко эмоциональный и интимный. Учитывая, наличие симптомов «девиантного материнства», эти ассоциации отражают социально одобряемый, глубоко интериоризированный образ ответственной, любящей мамы. Отвержение, избегание, вытеснение реальных отношений с ребенком, в ситуации неблагополучия семьи, углубляют внутренний конфликт нереализованных ожиданий.

Анализ результатов, полученных методом «Незаконченные предложения» (мы не меняли содержание вопросов):

1. «Когда я была ребенком...» – мне было очень одиноко, я мечтала о большой кукле, пупсе, я хотела домик для барби, самое сильное впечатление детства, когда маму забрали в больницу без сознания, когда я чуть не утонула, меня укусила собака.

2. «Когда я стану мамой...» – я буду каждую свободную минуту проводить с ребёнком играя, я не буду такой, как моя мама.
3. «Я хотела бы, чтобы мой ребёнок...» – запомнил свое детство счастливым, был счастливым, добрым и успешным в будущем, был лучше, чем я.
4. «Когда я вижу детей с родителями...» – испытываю радость, что у ребёнка есть семья, я улыбаюсь, мне грустно.
5. «Я буду готова к материнству, когда...» – почувствую, что моих сил хватит на это, когда будет полная финансовая независимость, буду готова к этому этапу.
6. «Я представляю свою будущую семью...» – дети, не меньше 3, возможно больше, дружную, всегда веселую, всегда вместе, счастливой и большой, большую, дружную и все друг за друга стоят горой, независимо от ситуации.

Анализ данных, полученных методом «Незавершенные предложения» показал, что у матерей-социальных сирот, ожидаемый образ материнства сохраняет свою актуальность, несмотря на реальный опыт материнства.

Анализ литературы и результатов исследования позволяют сделать следующие выводы:

- Изучение имплицитной структуры представлений о материнстве может быть одним из прогностических показателей психологической готовности к материнству. Это не противоречит тому факту, что в самосознании девушек социальных сирот представления о материнстве отражают идеальный образ матери, формируемый как желательное отношение к будущему ребенку, и могут быть также рассмотрены в контексте инфантильного антисценария отношений с собственной матерью.

- Позитивная структура представлений о материнстве у девушек – социальных сирот, и установки на родительский антисценарий дает возможность в психолого-педагогической работе рассматривать эту идеализированную модель как основу для создания позитивной, но реальной картины будущего материнства.

Процесс формирования и интериоризации этой реальной картины должен включать пролонгированное превентивное комплексное сопровождение, начиная с детских домов. Превентивная психологическое сопровождение не исключает процесс формирования операционального компонента будущего материнства (навыки ухода за ребенком). Однако, как показывает опыт работы с матерями в группах социального и психологического сопровождения, «навыки» без развития структур осознанного материнства создают иллюзию готовности, «псевдоготовность» (С.И. Миронова).

Как показывает статистика современное российское общество включено в порочный круг воспроизводства «плохой матери», девушки социальные сироты по статистике часто отказываются от детей по объективным и субъективным причинам, тем самым усложняя процесс оздоровления общества.

Учитывая ирреальные (формируемые масс-медиа) ожидания социальных сирот от будущей жизни, включения в виртуальный мир материального достатка и картин благополучных семей, собственный ребенок включается в жестокую зону конфликта между идеализированными образцами семейного счастья и реальностью, представлениями о «хорошей», «правильной» маме и невозможностью эти представления реализовать.

Проблема формирования осознанного материнства у девушек социальных сирот затрагивает слишком много разных условий, факторов, обстоятельств, чтобы быть настроенными оптимистично. Однако, современная исследовательская база психологической готовности к материнству и интенсивные разработка научно-обоснованных программ

сопровождения могут помочь установить приоритетные направления работы с девушками, воспитывающимися в детских домах по развитию их материнской сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минеева О.А., Лидерс А.Г. Фамилистика. Обзор научных представлений о семье // Социальный психолог. 2011. №1. С. 19–58.
2. Филлипова Г.Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопросы психологии. 2001. №2. С. 22–36.
3. Нозикова Н.В. Материнская и семейно-ориентированная направленность девушек 15–22 лет: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Хабаровск, 2005. – 26 с.
4. Рыбакова Е.Н. Структурная организация самосознания матери: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Спб., 2007. – 23 с.
5. Гурьянова Т.А. Развитие психологической готовности к материнству на стадии планирования беременности, во время беременности и после родов кандидат психологических наук: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2004. – 18 с.
6. Скоромная Ю.Е. Субъективная готовность к материнству как психологический феномен: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 26 с.
7. Григорян И.Г. Особенности психологической готовности студенток к материнству: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Самара, 2013. – 23 с.
8. Антонович О.С. Формирование психологической готовности родителей к взаимоотношению с будущим ребенком: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Самара, 2009. – 23 с.
9. Ивакина В.В. Формирование у студенток психологической готовности к материнству: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ставрополь, 2006. – 23 с.
10. Миронова С.И. Специфика психологической готовности к материнству девушек-сирот: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2014. – 25 с.
11. Павлова Т.В. Психологические детерминанты формирования представлений личности о родительстве: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2012. – 21 с.
12. Серкин В.П. Решение задачи о случайности/неслучайности количества групповых ассоциаций // Психодиагностика. 2009. № 4. С. 22–31.

Nevstrueva Tamara Hasjamovna

Pacific state university, Khabarovsk, Russia
E-mail: tamaranevst@mail.ru

Con Larissa Leonidovna

Pacific state university, Khabarovsk, Russia
There are no someone else's children, Khabarovsk, Russia
E-mail: larisa.choy@gmail.com

Ideas about motherhood of girls – social orphans in the context of the problem of psychological readiness for motherhood

Abstract. The paper considers the problem of psychological readiness to maternity as an important prognostic role of factor of informed parenthood. Intensification of research in this direction reflects mainstream concerning psychological accompaniment of deviant maternity. Most at risk are often girls, orphans, because of objective and subjective reasons for implementing the model of "bad mother". The studies identified the role of policy factors in implementing the model of "good/bad" mother, which includes a system of values, motives, a picture of the world, I-the concept, the image of an unborn baby, etc. Submission, as a reflection of an implicit vision of the future of motherhood is included as an important factor that determines the installation of schema behavior, cognitive emotional reactions already born child. An empirical study was conducted on the basis of the children's homes of Khabarovsk (a selection of 30 girls 15–17 years) and the Khabarovsk Krai public organization. Methods of data collection were used such as the associative experiment (Word-incentives "parent", "Mum", "Dad", "child", "I am a child", "my baby", "I am a mom"), modified by the authors of the method of "incomplete sentences. Analysis of the obtained data allowed to allocate the basic categories, reflecting attitudes about maternity from female social orphans. The study showed that in both samples submission about the child and its mother is a little bit idealized, with the dominant positive emotional characteristics (from 40 up to 70 %). The support of mothers graduates of orphanages revealed 95 % documented symptoms of deviant motherhood (abandonment, removal from families, the neglect of the needs of the child, etc.) in real behaviour. The article stressed that positive structure but infantile ideas about maternity of female social orphans, and unconscious installation on antisценарий towards their parents allow to consider this idealized model as the basis of creation of positive but real idea of future maternity in psycho-pedagogical work.

Keywords: maternity; psychological readiness to maternity; deviant maternity; female social orphans; categorical structure of the representations of maternity; positive views; real relationships with the child